



EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД
АУТЕНТИЧНЫЙ ТЕКСТ РАЗМЕЩЕН
НА САЙТЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
www.echr.coe.int
В РАЗДЕЛЕ HUDOC

ТРЕТЬЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «БАРСОВА против РОССИИ»

(жалоба № 20289/10)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

22 октября 2019 года

*Данное постановление является окончательным, но может быть
подвергнуто редакционной правке.*

COUNCIL OF EUROPE



CONSEIL DE L'EUROPE

По делу «Барсова против России»

Европейский Суд по правам человека (Третья Секция), заседавая Комитетом, в состав которого вошли:

Алина Полачкова, *Председатель*,

Дмитрий Дедов,

Гилберто Феличи, *судьи*,

и Стефен Филлипс, *Секретарь Секции*,

проведя заседание за закрытыми дверями 1 октября 2019 года,

вынес следующее постановление, утвержденное в тот же день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело инициировано по жалобе (№ 20289/10), поданной гражданкой России Барсовой Дианой Михайловной (ранее – Удаловой) (далее – «заявительница») 31 марта 2010 года против Российской Федерации в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – «Конвенция»).

2. В Суде ее представлял адвокат Илья Сиволдаев, практикующий в г. Воронеже. Интересы властей Российской Федерации (далее – «власти») первоначально представлял Г. Матюшкин, Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека, а впоследствии – его преемник на этом посту М. Гальперин.

3. 3 сентября 2015 года власти были извещены о жалобах, касающихся чрезмерно длительного судопроизводства по факту нападения на заявительницу, остальная часть жалобы была признана неприемлемой в соответствии с пунктом 3 правила 54 Регламента Суда.

4. Власти возражали против рассмотрения данной жалобы Комитетом. Рассмотрев возражение властей, Европейский Суд отклонил его.

ФАКТЫ**I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА**

5. Заявительница, 1968 года рождения, проживает в г. Воронеже.

6. В 1997 году Барсова Д.М. вышла замуж за У. Через год у них родилась дочь с врожденной инвалидностью. У. работал старшим преподавателем в Воронежской полицейской академии и обеспечивал семью; Барсова Д.М. работала неполный рабочий день, чтобы иметь возможность ухаживать за дочерью.

7. У. часто, будучи в нетрезвом виде, применял насилие к Барсовой Д.М. Он бил ее кулаками, толкал на пол, заламывал руки за

спиной и требовал просить прощения за вымышленные провинности. Барсова Д.М. не жаловалась в полицию, опасаясь, что это может привести к его увольнению и потере дохода для семьи.

8. 17 августа 2006 года У. напал на нее на чердаке их дома. Он дважды ударил ее по шее кулаком. Ей удалось сбежать во двор, где соседи могли видеть ее. Она предупредила его, что вызовет полицию, если он не остановится. У. ответил: «Ты просила полицию – полиция здесь», ссылаясь на свое звание подполковника. Опасаясь повторения насилия, Барсова Д.М. позвонила на телефон «горячей линии» полиции. Когда она собиралась сказать свой адрес, У. вновь напал на нее. Она упала на живот, он прижал ее к полу, став коленом на ее спину, заломил ей руки и поднял ее вверх за запястья, что причинило ей сильную боль в плечах. Она умоляла освободить ее, и он ее отпустил.

9. Барсова Д.М. вызвала полицию, позвонив из телефонной будки на улице. Через два часа прибыл полицейский патруль и принял у нее заявление. Полицейские доставили У. в Центральное районное отделение полиции, но сразу же освободили его, как только он сказал им, что имеет более высокое полицейское звание, чем у них.

10. На следующий день, в пятницу, и в последующий понедельник, Барсова Д.М. посетила терапевта, невролога и хирурга-травматолога. Ей был поставлен диагноз – сотрясение мозга с множественными травмами шеи, тела и конечностей, и был предоставлен больничный отпуск на десять дней. Сотрудники больницы также сообщили о ее травмах в полицию.

11. 29 августа 2006 года начальник Центрального районного отделения полиции передал дело о нападении в прокуратуру того же района. Он подчеркнул, что У. являлся старшим офицером полиции. 4 сентября 2006 года следователь из прокуратуры допросил Барсову Д.М. и ее мужа, и приобщил к делу медицинские заключения. В тот же день он вынес постановление об отказе в возбуждении уголовного дела против У., установив, что тот не злоупотреблял должностными полномочиями (статьи 285 и 286 Уголовного кодекса). Он посоветовал Барсовой Д.М. обратиться с заявлением в суд в порядке частного обвинения.

12. 28 сентября 2006 года Барсова Д.М. подала заявление в порядке частного обвинения мировому судье Центрального района г. Воронежа. Она обвиняла У. в нанесении побоев – преступлении, предусмотренном статьей 116 Уголовного кодекса, и представила медицинское заключение.

13. Первое слушание было назначено на 17 октября 2006 года, но было отложено ввиду отсутствия судьи. Дело дважды передавалось на рассмотрение разным судьям. Новое слушание, назначенное на 15 марта 2007 года, не состоялось ввиду отсутствия У., который

отправился добровольцем в полицейскую миссию по поддержанию мира за рубежом.

14. По возвращении У. с апреля по июнь 2007 года были проведены три слушания, но затем судебное разбирательство было приостановлено для проведения однодневной медицинской экспертизы. После возобновления судопроизводства в сентябре 2007 года последующие два слушания в октябре и ноябре 2007 года не состоялись, так как У. уехал в очередную командировку за рубеж.

15. В период с января по апрель 2008 года состоялось три судебных слушания, а два судебных слушания были отложены по причине болезни судьи. Опасаясь относительно приближающегося истечения срока давности, составляющего два года, 24 июня 2008 года Барсова Д.М. пожаловалась на чрезмерную длительность разбирательства и необоснованные задержки Председателю областного суда. Через шесть недель она получила ответ, что судья первой инстанции не допустил никаких процессуальных нарушений и что данное дело будет передано другому судье.

16. Согласно закону вновь назначенный судья должен был вновь изучить все доказательства. Судья назначил судебное слушание на 23 июля 2008 года, но оно было отложено, так как У. не был уведомлен о нем надлежащим образом. На следующем слушании, состоявшемся 7 августа 2008 года, присутствовали все стороны, кроме У., и судья принял решение приостановить судебное разбирательство. Барсова Д.М. подала апелляционную жалобу на данное решение, но 11 ноября 2008 года Центральный районный суд отклонил ее.

17. У. не появился на четырех слушаниях, проходивших в декабре 2008 года, январе и феврале 2009 года. 10 апреля 2009 года он был заслушан в суде. 21 мая 2009 года он ходатайствовал о прекращении производства за истечением срока давности. В тот же день судья, рассматривавший дело, удовлетворил его ходатайство и прекратил судебное разбирательство.

18. 21 августа 2009 года Центральный районный суд отклонил апелляционную жалобу Барсовой Д.М. на решение о прекращении производства по делу. 1 октября 2009 года Воронежский областной суд отказал ей в разрешении на обращение в кассационную инстанцию¹.

19. После введения в действие Закона о компенсации 4 мая 2010 года (см. решение Европейского Суда от 23 сентября 2010 года по делу «Наговицын и Налгиев против России» (*Nagovitsyn and Nalgiyev v. Russia*), жалобы № 27451/09 и № 60650/09, пункты 15-20), Барсова Д.М. ходатайствовала о компенсации за нарушение ее права на судопроизводство в разумный срок. Решением от 10 мая 2011 года, оставленным в силе в апелляционном порядке 15 сентября 2011 года,

¹ Так в тексте постановления.

Воронежский областной суд отклонил ее требования. Данный суд постановил, что, допросив свидетелей и изучив письменные доказательства, такие как дополнительное медицинское заключение, суд первой инстанции «создал условия для осуществления частным обвинителем ее прав и обязанностей в уголовном судопроизводстве». Случившиеся задержки произошли не по вине сторон. Суд также указал, что многочисленные передачи дела разным судьям не повлияли на длительность судопроизводства, так как каждая такая передача осуществлялась в течение «разумного срока». Продолжительность дела была обусловлена его «сложностью» и «объективными трудностями», связанными с отъездом подсудимого из России.

II. ПРИМЕНИМОЕ ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВО

20. Глава 16 Уголовного кодекса Российской Федерации посвящена преступлениям против личности, включая убийство и причинение смерти по неосторожности (статьи 105–109), а также трем уровням нападения с причинением фактического вреда здоровью (статьи 111–115). Иные формы посягательств, которые могут причинить физическую боль без фактического вреда здоровью, расцениваются как «побои» на основании статьи 116. «Побои» наказываются штрафом, исправительными работами, или арестом до трех месяцев.

21. Причинение тяжкого вреда здоровью подлежит уголовному преследованию в форме публичного обвинения; преступления, заключающиеся в причинении «легкого вреда здоровью» и «побоях» подлежат уголовному преследованию в форме частного обвинения, что означает, что возбуждение и ведение уголовного дела оставлено на усмотрение потерпевшего, который должен собирать доказательства, устанавливать виновного в преступлении, обеспечивать свидетельские показания и предъявлять обвинения в суде (ч. 2 статьи 20 Уголовно-процессуального кодекса).

22. В отношении подозреваемого, обвиняемого или ответчика в ходе уголовного производства может быть избрана мера пресечения в виде письменного обязательства не покидать место жительства без разрешения следователя или суда и являться по любым их вызовам, а также воздерживаться от любых действий, препятствующих производству по делу (статья 102 Уголовного процессуального кодекса).

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЕЙ 3, 6 И 13 КОНВЕНЦИИ

23. Заявительница жаловалась, что российские власти не предоставили ей эффективной защиты против актов домашнего насилия. Они допустили истечение срока исковой давности без привлечения виновного к какой-либо ответственности. Она ссылалась на статьи 3, 6 и 13 Конвенции, соответствующие части которых гласят следующее:

Статья 3

«Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению...»

Статья 6

«Каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях... имеет право на справедливое ... разбирательство дела в разумный срок ... судом ...».

Статья 13

«Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе...»

А. Доводы сторон

24. Власти перечислили положения Уголовного кодекса, касающиеся преступлений, посягающих на физическую неприкосновенность, и на положения Уголовно-процессуального кодекса, регулирующие порядок рассмотрения заявлений в порядке частного обвинения. Власти считали, что упомянутые положения являются достаточными для исполнения их обязательств, вытекающих из статьи 3 Конвенции. В настоящем деле задержки в судопроизводстве главным образом были обусловлены отсутствием подсудимого в России. У. участвовал в миссии по поддержанию мира за рубежом с 25 февраля по 7 апреля 2007 года, и затем с 14 октября 2007 года по 18 октября 2008 года. Власти считали, что заявительница не могла привлечь своего мужа к ответственности по причинам, не связанным с действиями российских судов или органов власти. Более того, она могла бы подать в отношении него гражданский иск о компенсации, но не воспользовалась данным средством правовой защиты.

25. Заявительница утверждала, что уголовное разбирательство против У. велось в течение настолько длительного времени – трех лет

без двух дней – что истек срок давности привлечения к ответственности. В результате этого судья не вынес решение по существу обвинений, и У. избежал уголовной ответственности за жестокое обращение в отношении нее. Задержки в судопроизводстве были вызваны, в частности, следующими причинами: многочисленные передачи дела между судьями; неприменение к У. такой меры пресечения как обязательство не покидать город и штрафных санкций за неявку на слушания; необоснованно длительные интервалы между слушаниями, длящиеся до двух месяцев, и проведение медицинской экспертизы с нарушением сроков. Чрезмерное количество слушаний психически истощили заявительницу, отрывали ее от работы и отрицательно сказались на ее финансовом положении. Она выплачивала до ста евро за представительство ее интересов на каждом слушании, так как жертвы домашнего насилия не имеют в России доступа к бесплатной юридической помощи. У. вызвался добровольцем для участия в миссии за рубежом, чтобы затянуть судебное разбирательство. Суд мог обратиться в Министерство внутренних дел с требованием отозвать его из миссии, запретить ему покидать страну и потребовать явиться в суд, или приостановить срок привлечения к ответственности на время его отсутствия. Однако суд не предпринял таких действий и отклонил все требования заявительницы в этом отношении. Отсутствие решения по существу дела воспрепятствовало попыткам заявительницы отстоять свое право жить, не подвергаясь насилию и жестокому обращению, и получить компенсацию морального вреда и расходов на юридическое представительство.

В. Приемлемость жалобы

26. Европейский Суд полагает, что данная жалоба не является явно необоснованной по смыслу подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Суд также отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, данная жалоба должна быть признана приемлемой.

С. Существо жалобы

27. Суд повторяет, что вопрос домашнего насилия, которое может принимать различные формы – от физических нападений до сексуального, экономического, эмоционального или словесного насилия – является проблемой общего характера, которая затрагивает в различной степени все государства-члены и касается различных членов семьи, хотя женщины составляют подавляющее большинство потерпевших. Особая уязвимость жертв домашнего насилия и

необходимость активного участия государства в их защите подчеркивались в ряде международных инструментов и в сложившейся прецедентной практике Суда (см. постановление Европейского Суда от 12 июня 2008 года по делу «Беваква и С. против Болгарии» (*Bevacqua and S. v. Bulgaria*), жалоба № 71127/01, пункты 64-65; постановление Европейского Суда по делу «Опуз против Турции» (*Opuz v. Turkey*), жалоба № 33401/02, пункты 72-86 и 132, ECHR 2009, и постановление Европейского Суда от 30 ноября 2010 года по делу «Гайдуова против Словакии» (*Hajduová v. Slovakia*), жалоба № 2660/03, пункт 46).

28. Суд отмечает, что заявительница испытывала физическое насилие со стороны ее мужа У., что отражено в медицинских документах. Суд признает, что нанесенные травмы, которые сделали ее нетрудоспособной на период в течение десяти дней, достигли необходимой степени жестокости в соответствии со статьей 3 Конвенции. Суд также признает, что, помимо физических травм, важным аспектом домашнего насилия является психологическое воздействие (см. постановление Суда от 26 марта 2013 года по делу «Валиулиене против Литвы» (*Valiulienė v. Lithuania*), жалоба № 33234/07, пункт 69). Чувства страха, беспокойства и беспомощности, которые должна была испытывать заявительница в связи с контролирующим и принуждающим поведением ее мужа, были достаточно серьезными, чтобы являться равноценными бесчеловечному обращению в значении статьи 3 Конвенции (см. постановление Суда от 28 мая 2013 году по делу «Еремия против Республики Молдова» (*Eremia v. the Republic of Moldova*), жалоба № 3564/11, пункт 54).

29. Если было продемонстрировано, что обращение достигло минимального уровня жестокости, что влечет защиту на основании статьи 3 Конвенции, Суду следует рассмотреть вопрос о том, выполнили ли власти государства свое позитивное обязательство по статье 1 Конвенции, толкуемой в совокупности со статьей 3, для обеспечения того, чтобы частные лица, находящиеся под его юрисдикцией, были защищены от всех форм жестокого обращения, включая случаи, когда такое обращение имеет место со стороны физических лиц. Эти позитивные обязательства, которые являются взаимосвязанными, включают, в частности, обязательство создания и применения на практике надлежащей нормативно-правовой основы, обеспечивающей защиту против жестокого обращения со стороны физических лиц, и обязательство проведения эффективного расследования по небезосновательной жалобе на жестокое обращение (см. упомянутое выше постановление по делу «Беваква и С. против Болгарии», пункт 65; упомянутое выше постановление по делу «Опуз против Турции», пункты 144-45 и 162-65; упомянутое выше

постановление по делу «Еремия против Республики Молдова», пункты 49-52 и 56; упомянутое выше постановление по делу «Валиулиене против Литвы», пункты 74-75; постановление Европейского Суда от 27 мая 2014 года по делу «Румор против Италии» (*Rumor v. Italy*), жалоба № 72964/10, пункт 63; постановление Европейского Суда от 2 марта 2017 года по делу «Тальпис против Италии» (*Talpis v. Italy*), жалоба № 41237/14, пункты 100-06; а также постановление Суда от 23 мая 2017 года по делу «Бэлшан против Румынии» (*Bălșan v. Romania*), жалоба № 49645/09, пункт 57).

30. Что касается вопроса, предоставляла ли правовая система государства-ответчика надлежащую защиту от домашнего насилия, Суд повторяет, что обязательство государства в делах, связанных с актами домашнего насилия, как правило, требует от национальных органов власти принятия позитивных мер в сфере уголовно-правовой защиты. Такие меры, в частности, включают криминализацию актов насилия в семье, обеспечивая эффективные, пропорциональные и сдерживающие санкции. Привлечение к ответственности виновных в актах насилия призвано обеспечить, чтобы такие действия не игнорировались компетентными органами, и предоставить эффективную защиту от них (см. постановление Суда от 14 октября 2010 года по делу «А. против Хорватии» (*A. v. Croatia*), жалоба № 55164/08, пункт 67; упомянутое выше постановление по делу «Валиулиене против Литвы», пункт 71; упомянутое выше постановление по делу «Еремия против Республики Молдова», пункт 57; а также постановление Суда от 11 июля 2017 года по делу «Ж.Б. против Хорватии» (*Ž.B. v. Croatia*), жалоба № 47666/13, пункт 50).

31. Россия не приняла особое законодательство для борьбы с насилием, происходящим в семьях, будь то в период рассматриваемых событий либо в настоящий момент. Акты домашнего насилия не представляют собой отдельного преступления по российскому законодательству и не являются отягчающим обстоятельством любого иного преступления. Российское законодательство не содержит никаких положений, усиливающих наказание за акты домашнего насилия, и не проводит различие между домашним насилием и насилием, причиненным третьими лицами. Действующие положения Уголовного кодекса не только оставляют многие формы домашнего насилия, такие как психологическое или экономическое давление или контролирующее или принуждающее поведение, за пределами уголовно-правовой защиты, но также требуют, чтобы травмы достигали определенной степени тяжести, чтобы они могли быть признаны преступлением, подлежащим преследованию в рамках публичного обвинения.

32. Травмы, полученные заявительницей, не рассматривались как достаточно серьезные для инициирования преследования в рамках

публичного обвинения. У нее была единственная возможность — требовать восстановления своих прав в рамках частного обвинения ее мужа по преступлению «побои» в соответствии со статьей 116 Уголовного кодекса, что не требовало доказательства причинения фактических телесных повреждений или длительного вреда здоровью. Тот факт, что данное преступление являлось предметом частного обвинения, означал, что возбуждение и ведение уголовного дела были оставлены на ее усмотрение, и что она должна была собрать доказательства, которые могли доказать вину причинителя насилия согласно уголовному стандарту доказывания. Суд уже признавал, что эффективная защита конвенционного права на физическую неприкосновенность не требует судебного преследования в форме государственного обвинения во всех делах о нападениях, совершенных физическими лицами (см. постановление Суда от 5 марта 2009 года по делу «Сандра Янкович против Хорватии» (*Sandra Janković v. Croatia*), жалоба № 38478/05, пункт 50). В контексте домашнего насилия, тем не менее, Суд посчитал, что возможность возбудить производство в рамках частного обвинения не является достаточной мерой, так как такое производство требует времени и средств (см. упомянутое выше постановление Суда по делу «Беваква и С.», пункт 83).

33. Заявительница не получала помощь от государственных органов власти в ходе разбирательства в рамках частного обвинения против ее мужа, подвергшего ее жестокому обращению. Никто из полицейских не помогал ей собирать доказательства. Никто из прокуроров не выразил готовность составить правовые документы от ее имени или обеспечить защиту ее прав в суде. Жертвы домашнего насилия не имеют права на бесплатную юридическую помощь в российской правовой системе, поэтому заявительница сама несла расходы по представлению своих собственных интересов. Ей также приходилось временно оставлять работу и ребенка, чтобы присутствовать на слушаниях. Ведение производства против причинителя насилия полностью зависело от ее упорства и решимости привлечь его к ответственности.

34. Суд считает, что оставление жертвы домашнего насилия, такой как заявительница в настоящем деле, действовать лишь своими силами в производстве по частному обвинению возложило на нее чрезмерное бремя. Российская правовая основа, которая не определяет домашнее насилие как отдельное преступление либо отягчающее обстоятельство других преступлений и устанавливает минимальный порог тяжести телесных повреждений, требуемых для возбуждения уголовного преследования в форме публичного обвинения, не соответствует требованиям, присущим позитивному обязательству государства ввести в действие и эффективно применять систему, обеспечивающую наказание за все формы домашнего насилия и обеспечивающую

достаточные гарантии для потерпевших (см. упомянутое выше постановление по делу «Опуз против Турции», пункт 145).

35. Возвращаясь к обязательству государства проводить эффективное расследование по всем случаям домашнего насилия, которое способно привести к наказанию виновных, Суд повторяет, что требование своевременности и тщательности, предусмотримое статьей 3, применяется к производству в целом, включая стадию судебного разбирательства (см. постановление Европейского Суда от 15 января 2015 года по делу «М.А. против Словении» (*M.A. v. Slovenia*), жалоба № 3400/07, пункт 48, и постановление Европейского Суда от 13 июня 2017 года по делу «Костецкас против Литвы» (*Kosteckas v. Lithuania*), жалоба № 960/13, пункт 41). При работе с делами о домашнем насилии требуется особая тщательность, а в ходе судопроизводства необходимо принимать в расчет особый характер домашнего насилия. Данное обязательство не будет выполнено, если защита, предусмотренная национальным правом, существует лишь в теории; прежде всего она также должна эффективно применяться на практике, что требует быстрого рассмотрения дела без лишних задержек (см. упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Опуз против Турции», пункты 145-51 и 168; упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Тальпис против Италии», пункты 106 и 129, и постановление Европейского Суда от 28 января 2014 года по делу «Т.М. и С.М. против Республики Молдова» (*T.M. and C.M. v. the Republic of Moldova*), жалоба № 26608/11, пункт 46). Нарушения были установлены в делах, где судопроизводство длилось необоснованно долго либо прекращалось в силу окончания срока давности, что позволяло обвиняемым нарушителям избежать ответственности (см. упомянутое выше постановление по делу «Опуз против Турции», пункт 151, и постановление Европейского Суда от 24 января 2012 года по делу «П.М. против Болгарии» (*P.M. v. Bulgaria*), жалоба № 49669/07, пункты 64-66). Принцип эффективности означает, что национальные судебные органы ни при каких обстоятельствах не должны оставлять безнаказанным причинение физических или психологических страданий. Это имеет важное значение для сохранения уверенности общества в верховенстве права и общественной поддержки данного института, а также для предупреждения проявления толерантности или негласного пособничества насильственным действиям со стороны органов власти (см. постановление Европейского Суда по делу «Оккали против Турции» (*Okkali v. Turkey*), жалоба № 52067/99, пункт 65, ECHR 2006-XII (извлечения)).

36. Разбирательства против лица, применившего насилие к заявительнице, велись в суде первой инстанции более двух лет, до тех пор, пока судебное преследование было прекращено ввиду истечения

срока давности. Незначительный срок давности объясняется тем, что в российском законодательстве «побои» классифицируются как преступление незначительной степени тяжести, независимо от того, раскрывают ли обстоятельства дела простое столкновение с незнакомым лицом или серьезный акт домашнего насилия. Тем не менее, Суд считает, что в обстоятельствах настоящего дела период в два года не был настолько коротким, чтобы оправдать неспособность российских судов довести судебное разбирательство до стадии вынесения приговора. Данное дело не было сложным и включало, фактически, один случай насилия. Личность нарушителя была известна и не оспаривалась. Медицинское заключение, подтверждающее требования заявительницы, было представлено с первого дня судопроизводства; дополнительное медицинское освидетельствование было проведено за один день.

37. Суд считает, что многочисленные задержки в судопроизводстве были прямо связаны с тем, как российские суды рассматривали данное дело. Неоднократные замены судьи в суде первой инстанции отложили начало судебного разбирательства, как минимум, на несколько месяцев (для сравнения см. постановление Европейского Суда от 9 октября 2008 года по делу «Моисеев против России» (*Moiseyev. Russia*), жалоба № 62936/00, пункт 191). Темп последовавшего судебного разбирательства нельзя описать иначе, как исключительно медленный. Слушания никогда не назначались на следующие подряд дни, или по крайней мере недели, а проводились с длительными интервалами в месяц. Один раз в 2007 году судебное заседание было отложено на три месяца с целью проведения однодневного медицинского освидетельствования. В 2008 году, когда срок давности привлечения к ответственности почти истек, жалоба заявительницы председателю вышестоящего суда не привела к признанию задержек или к мерам, которые могли бы ускорить судебное разбирательство. Вместо этого было принято решение об очередной замене судьи, вследствие чего судебное разбирательство должно было начаться заново (ср. постановление Европейского Суда от 20 мая 2008 года по делу «Хусейн Шимшек против Турции» (*Hüseyin Şimşek v. Turkey*), жалоба № 68881/01, пункт 69). Позже в том же году районному суду понадобилось более трех месяцев, чтобы отменить необоснованное решение судьи первой инстанции о приостановлении судопроизводства.

38. Что касается утверждения Властей, что они не несут ответственность за задержки по вине подсудимого, Суд повторяет, что национальные органы власти обязаны ограничивать поведение стороны разбирательства, характеризующееся злоупотреблениями и направленное на затягивание процесса (см. постановление Европейского Суда от 28 мая 2009 года по делу «Нестерова против

Украины» (*Nesterova v. Ukraine*), жалоба № 10792/04, пункт 43). Ряд слушаний не состоялся ввиду отсутствия У. в России. Власти не представили никаких пояснений, почему У. была предоставлена свобода передвижения на его усмотрение в течение всей продолжительности судопроизводства. Его отсутствие в России не было непрерывным: он присутствовал на нескольких судебных слушаниях с апреля по октябрь 2007 года, а также после октября 2008 года. Судья первой инстанции не воспользовался данными случаями, чтобы обеспечить его присутствие на последующих слушаниях: не потребовал от него предоставить обязательство явки и не применил стандартную меру пресечения, используемую в уголовном производстве, а именно, не взял с него обязательство не покидать город без соответствующего разрешения (см. выше пункт 22). Судья также не связался с департаментом кадров Министерства внутренних дел с целью отзыва его из командировки. Таким образом, суд никоим образом не отреагировал на поведение подсудимого, направленное на затягивание процесса (см. постановление Европейского Суда от 8 января 2009 года по делу «Рыпакова против России» (*Rypakova v. Russia*), жалоба № 16004/04, пункт 34, и постановление Европейского Суда от 22 сентября 2005 года по делу «Соколов против России» (*Sokolov v. Russia*), жалоба № 3734/02, пункт 40). Неограниченная свобода передвижения поставила подсудимого — лицо, персонально заинтересованное в том, чтобы срок исковой давности истек до того, как будет вынесено решение по делу — в положение, позволяющее контролировать темп ведения судебного разбирательства. Суд повторяет, что судебные власти несут полную ответственность за организацию судебных разбирательств таким образом, чтобы они были оперативными и эффективными (см. постановление Европейского Суда от 17 декабря 2002 года по делу «Митчелл и Холлоуэй против Соединенного Королевства» (*Mitchell and Holloway v. the United Kingdom*), жалоба № 44808/98, пункт 56, и постановление Европейского Суда от 29 мая 2008 года по делу «Никоненко против Украины» (*Nikonenko v. Ukraine*), жалоба № 14089/03, пункт 25). В настоящем деле, не применяя меры, доступные согласно национальному законодательству для обеспечения присутствия подсудимого в зале суда, власти несут ответственность за то, что не смогли обеспечить рассмотрение дела в разумный срок, и за то, что виновный в домашнем насилии не был привлечен к ответственности.

39. Суд повторяет, что хотя национальные суды должны поддерживать права подсудимого в ходе судебного процесса, они также должны обеспечить надлежащую защиту потерпевших, в частности, если они принадлежат к категории уязвимых лиц (см. постановление Европейского Суда от 18 января 2011 года по делу «Ристич против Сербии» (*Ristić v. Serbia*), жалоба № 32181/08, пункт

50). В настоящем деле, однако, вызвало беспокойство не только то, что жертве жестокого обращения крайне не хватало надлежащей защиты в ходе судебного разбирательства, но и последовавшая ситуация безнаказанности, достаточная для того, чтобы усомниться в способности судебного механизма, задействованного в настоящем деле, оказать достаточное сдерживающее воздействие с целью защиты женщин от домашнего насилия (в аналогичном контексте уязвимых жертв жестокого обращения, см. упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Оккали против Турции», пункт 70, и постановление Европейского Суда от 20 января 2015 года по делу «Атесоглу против Турции» (*Ateşoğlu v. Turkey*), жалоба № 53645/10, пункт 27).

40. Суд наконец отмечает, что прекращение уголовного производства против У. по нереабилитирующим основаниям не мешало заявительнице подать гражданский иск против него. Нельзя сказать, что ей было отказано в доступе к суду для определения ее гражданских прав (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда от 25 июня 2019 года по делу «Николае Вирджилиу Тэнасе против Румынии» (*Nicolae Virgiliu Tănase v. Romania*) [БП], жалоба № 41720/13, пункты 200-01). Тем не менее, такой гражданский иск мог привести лишь к выплате компенсации, но не наказанию виновного. Соответственно, это не способствовало бы выполнению государством своего процессуального обязательства по статье 3 в отношении привлечения к ответственности за жестокое обращение (см. упомянутое выше постановление по делу «Оккали против Турции», пункт 78; постановление Европейского Суда от 25 июня 2009 года по делу «Беганович против Хорватии» (*Beganović v. Croatia*), жалоба № 46423/06, пункт 56, и постановление Суда от 11 марта 2014 года по делу «Абду против Болгарии» (*Abdu v. Bulgaria*), жалоба № 26827/08, пункт 51).

41. Учитывая недостатки российского законодательства, касающиеся домашнего насилия, и то, каким образом российские суды рассматривали дело заявительницы, не рассмотрев ее жалобы в разумный срок и не подвергнув санкциям причинителя насилия за поведение, направленное на затягивание судебного разбирательства, тем самым, оставляя безнаказанными причиненные ей страдания, Суд считает, что государство не выполнило свои обязательства согласно статье 3 Конвенции. Соответственно, имело место нарушение данного положения.

42. Суд также считает, что он может обойтись без рассмотрения вопроса, была ли применима статья 6 в обстоятельствах настоящего дела, так как в свете фактов, приведших к выводу о нарушении статьи 3, отсутствует необходимость рассматривать отдельно предполагаемые нарушения статей 6 и 13 Конвенции

(см. упомянутое выше постановление по делу «Опуз против Турции», пункты 203-05).

II. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

43. Статья 41 Конвенции предусматривает следующее:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

44. Заявительница потребовала 7 500 евро в счет компенсации морального вреда, а также 696 евро в счет расходов и издержек, понесенных во внутригосударственных судах, и 1000 евро — в счет компенсации расходов и издержек, понесенных в Европейском Суде.

45. Власти утверждали, что статью 41 следует применять в соответствии с прочно сложившейся прецедентной практикой Европейского Суда.

46. Суд присуждает заявительнице требуемые суммы в качестве компенсации морального вреда и судебных расходов и издержек, включая любой налог, которым могут облагаться указанные суммы.

47. Суд считает приемлемым, что проценты за просрочку платежа должны быть установлены в размере, равном предельной учетной ставке Европейского Центрального банка, плюс три процентных пункта.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД ЕДИНОГЛАСНО:

1. *признал* данную жалобу приемлемой;
2. *постановил*, что в настоящем деле было допущено нарушение статьи 3 Конвенции;
3. *постановил*, что нет необходимости в рассмотрении жалоб на нарушение статей 6 и 13 Конвенции;
4. *постановил*:
 - (a) что в течение трех месяцев государство-ответчик должно выплатить заявительнице указанные ниже суммы, переведенные в валюту государства-ответчика по курсу на день выплаты:
 - (i) 7 500 (семь тысяч пятьсот) евро плюс любой налог, которым может облагаться эта сумма, в качестве возмещения морального вреда;

- (ii) 1 696 (одна тысяча шестьсот девяносто шесть) евро плюс любой налог, который может быть взыскан с заявительницы, в качестве компенсации судебных расходов и издержек;
- (b) что с момента истечения вышеуказанного трехмесячного срока до момента выплаты компенсации на данную сумму начисляются простые проценты в размере, равном предельной учетной ставке Европейского Центрального банка в течение периода просрочки платежа, плюс три процента.

Совершено на английском языке, уведомление о постановлении направлено в письменном виде 22 октября 2019 года в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Стефен Филлипс
Секретарь

Алина Полачкова
Председатель